

Павлова И. В.
Киевский национальный лингвистический университет

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦВЕТО-СВЕТОВОГО ПРОЯВЛЕНИЯ В ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются особенности использования языковых единиц со значением цвето-светового проявления при создании образа ирреального существа. Определены особенности использования в тексте научной фантастики традиционной славянской цвето-световой символики.

Ключевые слова: цветообозначение, светообозначение, образ, символ, фантастика.

Цвет – обязательный атрибут художественного произведения. “Индивидуально-авторские коннотации цветообозначений у разных писателей почти всегда основаны на объективных свойствах элементов лексической системы – на реализованных в языке или потенциальных свойствах слов со значением цвета” [2, с. 110]. Конечно, каждый художник слова, используя общезыковые значения слов со значением цвета, переосмысливает эти значения, расширяет их, добавляя различные семантические оттенки, и тем самым дает толчок к развитию новых отношений между членами этой лексико-семантической группы с другими лексико-фразеологическими средствами языка.

При исследовании фантастических произведений цвет становится одним из средств создания фантастического образа: являясь, с одной стороны, символом, с другой, он помогает автору нарисовать различные цвето-световые проявления воображаемого, которые выводят происходящее за рамки лексико-семантической реальности.

О влиянии цвета на субъекта восприятия художник В. Кандинский в своем теоретическом исследовании “О духовном в искусстве” говорит следующее: “Скольжение нашего взора по покрытой красками палитре приводит к двум главным результатам: 1) осуществляется чисто физическое воздействие цвета, когда глаз очарован его красотой и другими его свойствами” [3] и 2) “психическое воздействие цвета. В этом случае обнаруживается психическая сила краски, она вызывает душевную вибрацию” [3].

Цвет влияет на человека не только эстетически, но и психологически; поэтому в рамках художественного произведения, в котором субъект действия является и субъектом восприятия цветового проявления, можно выделять и психологическую функцию цветообозначений, которая становится ведущей в ряду других функций.

Цвет – признак, получающий в народной традиции символическую трактовку. Наиболее значимыми являются противопоставление белого и черного (светлого и темного), соотносимое с оппозициями хороший - плохой, жизнь - смерть, мужской - женский и др., а также триада белый – красный -черный. Символика каждого из цветов неоднозначна.

В произведении А. Р. Беляева “Человек-амфибия” [1, с. 181-374] часто используется лексема *ночь*, которая связана с темнотой, это воплощение тьмы, мрака.

В мировоззрении славян “ночь – время разгула потусторонних сил, губительных для рода человеческого” [6].

Предложение *Наступила дуиная январская **ночь** аргентинского лета* [1, с. 183] вводит нас в пространство фантастического произведения.

Действия, которые совершает персонаж, также происходят ночью: *...лодки, оставленные на **ночь** на воде, отвязаны. Ночной бриз отнес их довольно далеко в открытый океан* [1, с. 192].

И первая встреча с персонажем, и последнее появление героя происходят ночью, однако в первом случае автор использует лексему со значением цвета *черный*, а во втором светообозначение *темный*: *Черное небо ...* [1, с. 183], *Была уже темная ночь...* [1, с. 371].

Рассмотрим подробнее использовани цвето- и свето- обозначений при создании с образа ирреального существа в научно-фантастическом произведении. Использование имени прилагательного *черный* позволяет автору подготовить читателя к восприятию последующих событий...

Глагол *порозовела* используется как следствие действий, произведенных исследуемым нами образом. Сам по себе он не имеет негативной коннотации, но в данном контексте он выступает как очевидное проявление смерти, которая в свою очередь чаще ассоциируется с черным цветом. Сам герой в данном контексте воспринимается как нечто более страшное, чем акула.

*Впрочем, может быть, и не все выдуманно. Кто-то вспорол акуле брюхо: ведь вода в заливе **порозовела**. Индеец врет, но во всем этом есть какая-то доля правды. Странная история, черт возьми!* [1, с. 196]

Использование двух цветов *черный* и *красный* (розовый - это проявление красного, появление оттенка следствие того, что действие происходит в воде (вода в славянском сознании это отрицательная стихия, враждебная человеку)) вызывает в сознании мифический образ. Согласно мифологическим словарям славян “Сочетание красный-черный характерно для мифологических персонажей, преобладает в костюмах ряженых (черт на масленицу у словенцев, святочные чуликины на Русском Севере и др.)” [5, с. 647].

Для описания героя используются следующие лексемы с обозначением цвета: *кожа отливала **нежным голубым серебром**, кисти **темно-зеленые***.

Голубой цвет – окраска одного из основных цветов спектра – среднего между зеленым и синим.

Синий цвет часто использовался в траурной символике.

Зеленый Цвет – атрибут “чужого” пространства, где обитает нечистая сила: в южнославянских заговорах на “зеленую гору”, “зеленую траву”, “зеленое дерево” изгоняются злые духи. Зеленый Цвет характеризует персонажей народной демонологии: зеленые волосы у лешего, русалки, водяного; зеленого цвета бес, водяной; зеленые глаза имеют леший, русалки, вилы, водяные [4, с. 481; 5, с. 305-306].

Таким образом, исследовав коннотации цветов, можно сказать о том, что данное существо не принадлежит к миру людей, отношение автора к нему неоднозначное, о чем свидетельствует сопоставление в одном предложении таких оттенков, как: **нежный голубой** и **темно-зеленый**.

Данное описание также вызывает предположение о связи данного образа с миром животных: нежное голубое серебро поверхности кожи может соответствовать наружному покрову рыб, темно-зеленый (зеленый) цвет кистей соотносится с атрибутами лягушки.

Чудовище обладало телом человека, а на его лице виднелись огромные, как старинные часы-луковицы, глаза, сверкавшие в лучах солнца подобно фонарям автомобиля, кожа отливала нежным голубым серебром, а кисти рук походили на лягушечьи – темно-зеленые, с длинными пальцами и перепонками между ними.

Из-за спины дельфина показалась зеленая рука, ударившая животное по спине [1, с. 196-197].

Лексемы со значением светового и цветового признаков (освещенный, темнота, желтоватый свет), обосновывая действия персонажей, определяют существо как мифологическое, сверхъестественное.

Проснулись и другие ловцы. Они сползли к освещенному фонарем месту, как бы ища защиты от темноты в слабых лучах желтоватого света [1, с. 187].

Действие персонажей (в поисках света) в данном контексте обусловлено тем, что *освещенное фонарем место* является защитой от темноты, т.е. здесь ассоциации с древними верованиями в то, что в темное время суток человек беззащитен перед “темными, нечистыми силами природы”. Воплощение которых часто реализовывалось в образе антропоморфных существ (*вся нечисть (“нежить”, “нечистики”): водяные, лешие, домовые, черти, кикиморы...*) [6]. Использование для характеристики света прилагательных *слабый, желтоватый* служит имплицитным указанием на бессильность персонажей перед неведомым существом, а если учесть, что в мифологии желтый цвет наделялся часто негативным смыслом, “часто осмысляется как символ смерти (появление желтого пятна на руке предвещает смерть; в желтый цвет окрашивают яйца, предназначенные для поминовения)”, то вероятно использование суффикса *-ова-* для определения интенсивности света также свидетельствует о некоторой (малой) вероятности гибели рыбаков при столкновении с неизвестным существом.

Световые характеристики часто используются автором при создании внешнего облика главного героя: прилагательные *светлый, лучистый*, причастие *сверкавший* и другие однокоренные им слова в разных синтаксических функциях:

Кожа Ихтиандра на лице и руках была довольно светлая, но, быть может, она посветлела от продолжительного пребывания под водой. Правильный овал лица Ихтиандра, прямой нос, тонкие губы, большие лучистые глаза напоминали лицо индейца племени араукана... [1, с. 248].

...глаза, сверкавшие в лучах солнца ... [1, с. 196].

В лунном свете сверкали огромные глаза и серебро чешуи. [1, с. 203].

Данные лексемы имеют позитивные коннотации, что свидетельствует о положительном отношении автора произведения к созданному им персонажу – человеку-амфибии.

Лексемы со значением цвета и света дают возможность делать выводы о том, что сам Ихтиандр воспринимает как свое, а что считает чужим.

Например, при описании океана используется большое количество языковых единиц со значением цвето-светового проявления: *белый, снежно-белый, черный, красный, желтый, оранжевый, золотой, розовый, бледный, пестрый, голубой, синий, желто-белый, зеленый, красный, сине-лиловый, желтый, лимонный, коричневый, желто-зеленый ...; алеет, становится светлее; солнце, свет.*

Даже описание наступления ночи насыщено цвето- и свето- обозначениями:

*На западе **ночь** уходит за далекие горы. Уже **алеет** восток. На глади океана появилась едва заметная спокойная зыбь, и на ней – **золотые** струйки. **Белые** чайки, поднимаясь выше, становятся **розовыми**. По **бледной** глади вод мазмеились **пестрые, голубые и синие** дорожки ... На песчаном берегу уже появляются перистые **желто-белые** язычки прибоя. Вода возле берега становится **зеленой**.... Красные, желтые, лимонные, коричневые рыбы беспрерывно снуют, как рои пестрых бабочек* [1, с. 236].

Восприятие себя как человека меняет восприятие океана Ихтиандром и появляются соответствующие свето-цветовые обозначения: прилагательное *сумеречный*, предложение: *Солнце заходило*

он еще никогда не опускался так глубоко. И впервые Ихтиандру сделалось жутко от этого молчаливого сумеречного мира. Он быстро поднялся на поверхность и поплыл к берегу. Солнце заходило ... [1, с. 258].

Следует заметить, что описание города (мира людей) вообще лишено лексем со значением цвета:

Шум, движение большого города, пыль, духота, сутолока совершенно ошеломили Ихтиандра...[1, с. 253].

Имя существительное *пыль* может ассоциироваться с серым цветом, что выступает оппозицией пестрому миру океана.

Исследование языковых единиц со значением цвето-светового проявления в тексте фантастического произведения показало, что в художественном тексте обязательным будет пересечение цвета и света в рамках семантики одного и того же слова, поскольку во многих случаях одна языковая единица способна либо совмещать в своем значении эти признаки, либо проявлять в контексте способность к подобному совмещению.

Цвет и свет – важное средство создания образа. Основная функция языковых единиц со значением цвето-светового проявления создание видимую реальность, которая, именно благодаря тому, что она видимая, становится ирреальностью. Произведение наполняется фантастическим содержанием и из-за психологической основы цветовосприятия.

Л и т е р а т у р а :

1. *Беляев А. Р.* Избранное. – М. : ООО “Издательство АСТ”, 2003. – 557 с.
2. *Зубова Л. В.* Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. – Л. : Издательство Ленинградского Университета, 1989. – С. 110-114.
3. *Кандинский В.* О духовном в искусстве. – М. : Архимед, 1992. – 109 с. – <http://www.bibliotekar.ru/kandinskiy/6.htm>
4. Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М. : Рос. энциклопедия, 1997. – Т. 1: А-К. – 671 с.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого – М. : Международные отношения, 1999. – Т. 2. – 697 с.
6. Словарь Дома Сварога. Славянская и русская языческая мифология. – <http://www.pagan.ru/slowar.php>

Павлова І. В. Мовні одиниці із значенням кольорово-світлового прояву у тексті.

У статті розглядаються особливості використання мовних одиниць із значенням кольорово-світлового прояву при створенні образу ірреальної істоти. Визначені особливості використання в тексті наукової фантастики традиційної слов'янської кольорово-світлової символіки.

Ключові слова: колір, світло, образ, символ, фантастика.

Pavlova I. V. Linguistic units with colour and light meaning in the text.

The article deals with using of linguistic units with colour and light meaning at creation of image of unreal creature. Features of the use in the text of science fiction of traditional slavonic colour symbolism are determined.

Keywords: colour, light, image, character, science fiction.

Плужникова Т. И.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

ЛЕКСЕМА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЕМАНТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

В статье рассматриваются механизмы развития семантической структуры слова и условия, необходимые для реализации деривационного потенциала лексики как внутри слова, так и в ходе словопроизводства. Традиционное понимание типов деривации экстраполируется на эпидигматический уровень.

Ключевые слова: лексема, семема, семантическая энтропия, типы деривации.

Отражательная функция языка обуславливает расширение его лексического состава, что происходит и в результате реализации деривационного потенциала уже существующих в языке единиц номинации. Процесс словопроизводства всегда сопровождается изменением семантической структуры мотивирующего генератива. Его формальная сторона может остаться неизменной, как это происходит при лексико-семантическом способе словообразования, но семантическая структура обязательно в той или иной степени видоизменяется.

Именно эпидигматика лексики (ещё задолго до введения Д. Н. Шмелёвым самого термина) была объектом исследования учёных, начиная с В. фон Гумбольдта. Фердинанд де Соссюр, заложивший основы семиологии и структурной лингвистики, прямо указывал, что “как только система символов становится независимой от